

nology, 2002. — 150 p.

21. Mandelbrot B. *Les objets fractals: forme, hasard, et dimension*. — Paris: Flammarion, 1975. — 190 p. (В англоязычном варианте: Mandelbrot B. *Fractals: Form, Chance, and Dimension*. — San Francisco: W. H. Freeman and Company, 1977. — 352 p.; в русском переводе: Мандельброт Б. *Фрактальная геометрия природы*. — М.: Институт компьютерных исследований, 2002. — 656 с.).

22. Ostwald M. J. “Fractal Architecture”: Late Twentieth Century Connections between Architecture and Fractal Geometry // *Nexus Network Journal*. 2001. Vol. 3, No.1. — Pp. 73–83.

23. Sala N. *Fractal Models in Architecture: A Case of Study*. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://math.unipa.it/~grim/Jsalaworkshop.pdf> (дата обращения 16.06.2012).

24. Salingaros N. A. *Connecting the Fractal City* // Keynote speech, 5th Biennial of towns and town planners in Europe (Barcelona, April 2003). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://applied.math.utsa.edu/~salingar/connecting.html> (дата обращения 16.06.2012).

25. Shen G. Fractal dimension and fractal growth of urbanized areas // *Int. j. geographical information science*. 2002. Vol. 16, No. 5. — Pp. 419–437.

26. Tremlet G. *Salvador Dalí's home town to be recreated in China* [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.guardian.co.uk/artanddesign/2010/aug/10/salvador-dali-town-recreated-china> (дата обращения 15.06.2012).

**Э. М. Манукян**

## **СООТНОШЕНИЕ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО И СТОЛИЧНОГО В МИРОВОСПРИЯТИИ СИДОНИЯ АПОЛЛИНАРИЯ**

Центром социально-политической, экономической и духовной жизни античного государства и общества был, непременно, город/полис [6, с. 143]. Пришедшее на смену Античности Раннее Средневековье, напротив, явило уже в центре общественных отношений деревню, происходил т.н. процесс «аграризации» [7, с. 35].

Безусловно, что *causa causarum* такой, по выражению Ж. Ле Гоффа, «эволюции общества» выступил общий внутренний кризис Римской империи, начавшийся ещё с III века и ускорившийся варварскими разрушениями, апогеем которых стал упадок городов и их запустение [7, с. 35]. Тем самым, утверждение германских элементов в *Rex Romana*, наряду с финансово-экономическим кризисом, также способствовало ухудшению материального и духовного ста-

туса столицы относительно провинции, ибо разрушенные варварами римские города даже не восстанавливались, так как им самим, будучи представителями сельской культуры, была чужда жизнь шумных мегаполисов. Средневековой Европе понадобится ещё несколько сотен лет, чтобы на обломках Римской цивилизации возродить бывшие в уничтожении города.

У нас нет никаких сомнений, что процесс обветшания *Roma Aeterna* и других крупных городов проходил в глазах его современников в лейтмотиве сопоставления «центра — периферии», т.е. столицы (Рим/Равенна) — провинции, и неминуемой вспышкой восприятия этой грядущей действительности, разумеется, стал V век — век переходный. И поэтому, чтобы вживую проследить этот интересный процесс через призму его субъективного восприятия того времени, необходимо обратиться к письменным источникам, оставленным его современниками. Ибо свидетели последних дней Западной империи, будучи представителями разных регионов, социальных групп и мировоззренческих идеалов, могли своеобразно смотреть на эти события и толковать их. Особенно выделяясь из когорты «последних римлян», Сидоний Аполлинарий (430 – ок. 490 гг.) выступает, пожалуй, ценнейшим автором-очевидцем всей сложности последних лет существования Западной Римской империи, поскольку оставил после себя целый корпус источников — 24 стихотворных произведения и 147 писем в 9 книгах, отражающих яркие картины заката целой эпохи. Для нас Сидоний особенно важен ещё потому, что он, будучи уроженцем провинции Галлия (Лион), был в одно время назначен префектом Рима (468 г.), и, соответственно, оставил определённые сообщения и о Риме, и о провинции того нелёгкого времени.

Парадоксально, но к V в. Галлия, являясь самой романизированной провинцией [4, с. 365], только *de jure* входила в состав Западной Римской империи, *de facto* же, господство Рима над Галлией перестало быть реальным. Рим уже ничего не мог поделать с претензиями мощных галльских аристократических кланов на независимость. Иначе, говоря словами историка церкви В. Певницкого, «чувство свободы, лежавшее в духе образующейся нации, создавало в ней твёрдые характеры и побуждало галлов добиваться политической независимости и принимать участие в управлении империей» [9, с. 7]. Одним из показательных актов увядания римского центра был перенос императорской резиденции сначала в Милан, а потом в Равенну. Всё было сделано для того, чтобы теперь бодрая духом провинция вмешивалась в дела имперского двора.

Для того чтобы выявить у Сидония Аполлинария определённый взгляд на провинцию (Галлия) и столицу (Рим/Равенна), и, в контексте его мировосприятия понять отношение Сидония к ним, нам необходимо провести сравнительно-исторический, логический и хронологический анализ источников, оставленных нашим автором на соответствующий сюжет.

Сидоний Аполлинарий принадлежал к одной из самых знатных галло-римских фамилий. Отец и дед Сидония были префектами Галлии. Сам же он женился на Папианилле, дочери

галльского патриция Авита, за которой он получил богатое поместье в Оверни — Авитакум. Возведение Авита на императорский трон (455 г.) открыло Сидонию долгожданную дорогу к почестям, а панегирик, сказанный им тестю, доставил ему литературную славу. Последовавшие за этим свержения Авита (456 г.) и воцарение Майорана заставило Сидония Аполлинария заняться исключительно провинциальными делами по защите своей родины. Нужно заметить, что большинство красочных описаний родимой провинции были составлены Сидонием именно в этот период его деятельности (до 467 г.). Совместными усилиями галло-



римский нобилитет сумел сгладить тяжёлое положение Оверни, чему немало способствовал очередной панегирик Сидония новому императору. Временная безопасность Оверни от посягательств варварских королей была обеспечена. По умерщвлении Майорана (467 г.), овернцы послали в Равенну к новому императору Антемию того же Сидония ходатайствовать по делам провинции, за что честолюбивый нобиль взялся со всей душой, ибо для него это был шанс получить власть, привилегии и славу. Так сбылась мечта Сидония — он вновь отправляется в Италию. Свидетельство об этом предприятии сохранилось в одном из писем Сидония своему другу Геронию, которое представляет собой своеобразный эпистолярный «итинерарий». В представлении провинциального аристократа путешествие в центр империи являлось миссией свыше: «Покинув стены нашего Лиона, я поехал на почтовых, так как я ехал по *высочайшему повелению* (курсив мой. Э.М.)» [11, Ер. I. 5]. Переправившись через Альпы, эскорт Сидония достиг Равенны — новой столицы западного римского государства. Упомянув некоторые географические особенности и достоинства расположения приморского города, Сидоний Аполлинарий более заостряет внимание на его недостатках в экологическом плане: «в целом городе не найдёшь, чтобы вода в акведуках была чиста, чтобы колодцы были в порядке и чтобы источники не были мутны, а фонтаны грязны» [11, Ер. I. 5]. И действительно, человеку того нелёгкого времени не составляло большого труда, чтобы в стремительном водовороте событий рассмотреть тревожащую тенденцию упадка главных городов империи. Когда оказалось, что август уже давно покинул Равенну и находится в Риме, овернское посольство уехало из города следом за императором. По приезде же в Вечный город Сидоний Аполлинарий, первым делом отправившись в церковь святых апостолов, дал воздаяние Господу и «испытав, таким образом,

на себе чудесную помощь свыше...отправился в гостиницу и взял комнату» [11, Ер. I. 5]. В отличие от Равенны, Сидоний в этот раз не оставил нам никаких особых замечаний по поводу Рима, лишь сказал о том, что завидует тихому спокойствию заальпийских жителей провинции [11, Ер. I. 5]. Шум и суэта мегаполиса, очевидно, были непривычны образу жизни коренного провинциала. По совету своих римских знакомых галльский аристократ сочинил возвеличивающий панегирик Антемию, за что получил звание префекта Рима (*praefectus Urbi*) и титул патриция. В следующем послании всё тому же Геронию, новоявленный *praefectus* вместо того чтобы сообщить о результатах галльской депутации хвастается перед своим лионским другом новым статусом и полученной властью [11, Ер. I. 9]. Сидоний Аполлинарий не оставил никаких сведений о результате овернской депутации, хотя обязывался докладывать Геронию о ходе данного предприятия, ибо на кону стояла судьба их общей родины. Зато префект Сидоний отправил из Рима в Галлию несколько писем, упрекающих провинциальную знать в безынициативности. В каждом письме высказывается довольствие Сидония самим собой и его положением. «Попробуй теперь – пишет он к Филимацию – изгнать меня из сената на основании законов об искательстве государственных должностей» [11, Ер. I. 3]. В послании Гауденцию, сам добившийся званий и почестей, Сидоний упрекает бездеятельных и ленивых провинциалов, которые могут только философствовать в своих виллах за стаканом вина и ничего не делают для того, чтобы увеличить славу своего рода [11, Ер. I. 4]. С тех пор, как Сидоний занял важное место префекта Рима, он с неудовольствием и сожалением смотрит на молодых галло-римлян, которые предпочитали праздную жизнь по деревням служебной деятельности [3, с. 214]. Так, в письме к знатному галльскому нобилю Евтропию он закликает его оставить деревенскую жизнь и хозяйственные занятия, чтобы окунуться в поиск почётных званий и титулов: «эта жизнь – покой ветеранов, в расслабленных руках которых заржавевшие мечи сменяются поздней мотыгой» [11, Ер. I. 6]. В словах и сентенциях Сидония Аполлинария периода его римской префектуры прослеживается некое презрение к галло-римской аристократии и провинциальной жизни. В его теперешнем представлении всё провинциальное ассоциировалось с бездействием, когда Рим, напротив, с центром общественно-политической жизни для настоящего римского аристократа. В его представлении, каждый уважающий себя и своих предков нобиль должен преумножать славу своего рода путём достижения высоких званий и почестей, следовать т.н. «*cursus honorum*».

Будучи одним из авторитетнейших лидеров галло-римской аристократии, Сидоний Аполлинарий всегда боялся за судьбу своей родины и постоянно заботился о ней. Депутация в Рим должна была стать одной из проявлений данной опеки, но вдруг, увлечшись честолюбивым продвижением по карьерной лестнице, он перестаёт выказывать даже малейшее беспокойство за родную провинцию, даже когда ситуация стала критической.

Во время префектуры Сидония на суд в Рим был приведён его старый друг Арванд - префект Галлии, вступивший в тайный сговор с вестготами и бургундами, которые к 468 г. уже полностью окружили границы Оверни, единственной области в Галлии, которая ещё продолжала сохранять формальную независимость от варварских народов. Стоит сказать, что и депутация Сидония в Рим была напрямую связана с варварским вторжением. Арванд подстрекал вестготского короля Эвриха захватить Овернь и вместе с бургундами разделить власть над всей Галлией. К счастью для овернцев, его дело было раскрыто. Но у нас более вызывают интерес отзывы Сидония о предателе империи: «Меня огорчает несчастье Арванда, не хочу скрывать этого. Самая большая похвала Антемию то, что в его правление можно без страха и открыто *любить* (курсив мой Э.М.) государственных преступников» [11, Ер. I. 7]. Вообще, всё сообщение Сидония по делу предателя Арванда содержит в себе слова сожаления и сочувствия изменнику (!). В нём не сказался не только римский, но даже провинциальный патриотизм [3, с. 224]. Биограф Сидония Аполлинария, С. В. Ешевский, по этому поводу задаётся немало важным вопросом: «Как же согласить кажущуюся преданность Сидония Антемию, его увлечение Римом, наконец, его любовь к Оверни, которой грозило бедой исполнение замыслов Арванда, с дружбой и состраданием к признанному и явному предателю?» [3, с. 224].

Таков был изменчивый характер и мировоззрение Сидония Аполлинария. Заняв высокий статус в столице империи и получив достаточные привилегии, он как бы *забывает* об истинном положении своей родины — Галлии. Это увлечение вскоре окажется мимолётным, но, а пока Сидоний занимается не столько заботами о своей новой юрисдикции, сколько о распространении известий о своём «счастье». Во время пребывания в Риме он не оставляет никаких значимых сообщений о городе, о своей новой работе, политике (за исключением дела Арванда), но только говорит, что боится воплей римского народа в цирке, если вдруг вовремя не подспеют корабли с хлебом и резко поднимутся цены на съестные припасы [11, Ер. I. 10].

Но остановимся здесь и перенесёмся немного назад, чтобы посмотреть на Сидония и его восприятие «центра и периферии» *Pax Romana* несколькими годами ранее. Помимо префектуры в 468 году, Сидоний уже раз бывал в Риме во время правления его тестя Авита (455-456 гг.). Но тогда он, будучи ещё совсем молодым, не оставил никаких сообщений о полученных им впечатлениях. Только в эти два момента своей жизни он более или менее близко стоял к политическим намерениям и взглядам правящих сфер. Зато тем сильнее и чаще выражался его провинциальный патриотизм [5, с. 18]. И действительно, жизненный отрезок Сидония от начала политической карьеры (455 г.) и до поездки галльским легатом в Рим (467-468 гг.) отмечен особо тёплым его отношением к родной провинции, её природе, культуре и стилю жизни.

Сидоний Аполлинарий, в перерывах между политической и общественной деятельностью, очень любил провести время на своей вилле в Авитаке и, чтобы такой отдых не показал-

ся ему скучным, он посылал своим друзьям восхваляющие Овернь (а в частности Авитак) письма, с целью расположить их к приезду. Так хозяин Авитака приглашал к себе в гости Доминция, учителя латинского языка из небольшого города в средней Италии Камерино, и, желая расположить его к такому далёкому путешествию, представил ему подробное и красочное описание своей виллы: «Ты журишь меня за то, что я живу в деревне, между тем как скорее я могу упрекать тебя за то, что ты остаёшься в городе. У нас весна уже уступила место лету, и солнце, достигнув... наибольшей высоты, устремляется к Северному полюсу... Творец поместил нас так, что мы находимся под влиянием западных жарких ветров... Поторопись же, если ты дорожишь своим здоровьем, бросить узкие городские улицы, где трудно дышать, и явись к нам в тихое убежище...» [11, Ер. II. 2]. Далее Сидоний переходит к описанию местоположения поместья: «На западной стороне у нас гора; она отпускает... два отрога невысоких холмов на расстоянии 4 югеров один от другого. До самого луга, который раскинут перед нашей виллой, холмы тянутся по прямой линии, окаймляя долину, заключённую между ними, и упираются в саму виллу...» [11, Ер. II. 2]. Далее повествование продолжается наиподробнее описанием самого здания «скромной» виллы с перечислением всех её апартаментов. В заключение же автор приводит живописный рассказ о необыкновенности местного озера, богатого разнообразной рыбой и идеально подходящего для вечерних прогулок. Нет сомнений, что тут вся искренняя любовь провинциального аристократа к родимым краям, ибо Овернь — это место, где Сидоний Аполлинарий провёл почти всю свою молодость, место, где он становился как поэт и ритор. Собственно, здесь и выражался его провинциальный патриотизм, в попытке доказать итальянскому горожанину, что Галлия с её тёплым климатом, чудесной природой и благовидными деревнями ничем ни хуже Италии, а то и лучше.

Порой Сидоний был не прочь и сам снарядиться к друзьям в загородные виллы, как он однажды сделал, отправившись к Ферреолу и Аполлинарию. Начав с восхваления местных пейзажей, он плавно переходит к перечислению полученных от отдыха удовольствий, среди которых были и вкусные трапезы и беззаботные посиделки в банях и даже весёлые игры в мяч или в кости [11, Ер. II. 9] — всё то, за что Сидоний через несколько лет, по получению высокого поста в Риме, будет упрекать галло-римскую знать.

Точно так же, во время своей префектуры, критиковав нобилитет за злоупотребление деревенской и хозяйственной жизнью, несколькими годами ранее, Сидоний Аполлинарий, наоборот, поощрял аристократов за усердное занятие ею: «Я слышу, что сбор винограда соответствовал и твоей и заботливости — пишет Сидоний Маурузию — ...И я думаю, что ты останешься ещё в Виалосце... Там у тебя обильные виноградники и поместье, обширностью достойное такого владельца...оно, вероятно, надолго удержит тебя и твоё семейство. Если ты вздумаешь наполнить житилицы и амбары, провести там перед камином и в деревенском спокойствии снежные месяцы Януса и Нумы...мы...тоже скоро окончим в городе не очень то вы-

годные дела, которые нас там задерживают, и в то время, как ты будешь наслаждаться деревней, мы будем наслаждаться твоим присутствием» [11, Ер. II. 14]. Как видно из послания, Сидоний не только хвалит стремление Мауризия вести деревенскую жизнь, но и сам пишет, что присоединится к нему, как только уладит городские проблемы. Трудно представить, чтобы так говорил *praefectus* Сидоний в 468 году. Но, а тогда просто один из лидеров провинциальной аристократии, ещё не совсем искушённый государственной властью и испытавший разочарование от правлений Авита и Майорана, Сидоний жил по обычным канонам провинциального образа жизни, где отдых и развлечения порой не давали места для политической карьеры: той карьеры, которую он мечтал построить на протяжении всей своей жизни.

Чтобы лучше представить образное восприятие Сидонием своей родины Галлии и соотнести его с восприятием Рима, как центра не только *Rex Romanorum*, но и всей известной ойкумены, следует обратиться к поэтическому творчеству галльского интеллектуала, а точнее к его панегирикам, в которых, предстающие перед нами, абстрагированные образы Рима и Галлии заключаются в достаточно взаимосвязанные символические формы.

В данном случае, более всего вызывает интерес панегирик императору Авиту (455 г.), произнесённый галло-римским поэтом в честь его восшествия на императорский трон. Восхваляя галльское происхождение нового правителя, Сидоний говорит Авиту в панегирике: «Земля эта славна своими мужами. Ты же, овернец, обрабатывающий эту землю, пеший, ни шагу не уступишь в строю тем, кого побеждаешь на коне. Да будет свидетельством этому страшившее всех счастье Цезаря, когда отброшенные от холмов Герговии, его солдаты едва устояли в самом лагере» [11, С. VII]. Сидоний очень часто подчёркивает самобытность и необыкновенность Оверни и как бы противопоставляет её народ, «равному которому не создавала ещё щедрая природа» [11, С. VII] старому роду римлян. Вспоминая древнее галльское предание, Сидоний говорит, что овернское племя, подобием римлян, ведёт свой род от троянской крови (*Latio se sauguine tollit alumnam*) [11, С. VII]. В сознании особенности Оверни, символизирующей для него Галлию, в предпочтительном отношении к ней относительно Рима находит себе выражение провинциальный патриотизм Сидония [5, с. 19]. Стоит согласиться с мнением Л. П. Карсавина, что Сидоний, часто говоря о своей принадлежности к галльскому роду [11, с. XVII], старался подчеркнуть «значение Галлии, как чего-то самостоятельного в пределах римской империи» [5, с. 19]. Галлия в панегириках Сидония Аполлинария символизирует великое целое — Рим [5, с. 19]: «Твоя Галлия — говорит в панегирике Юпитер Риму — должна была дать залог мира» [11, С. VII]. Авит мыслился Сидонием как помазанник из Галлии для всей Римской империи, чья миссия заключалась в изменении хода истории в лучшую для всего римского мира сторону: «Я не знаю — говорит Рим — кто может сравниться с Траяном, только если ты, Галлия, вновь пошлешь того, кто победит» [11, С. VII].

Галлия представляется Сидонию, как нечто живущее своей жизнью, целое и единое, включённое в ещё более целое — Рим [5, с. 20]. В упадке Вечного города, панегирист, прежде всего, видел кризис когда-то могущественной державы, «единственной надеждой» [11, С. VII] которой может стать только Галлия. Рим постарел, дух римского народа уже не тот, и поэтому для поддержания силы Риму нужна свежая кровь, т.е. галльская — вот центральный мотив панегирика Авиту. Рим точно так же дорог Сидонию, как и его отчизна — Галлия, и если первый для него — это символ могущества великой империи, то последняя — это некая спасительница Рима и символ надежды на его дальнейшее обновление благоденствие, или, короче говоря, новый центр империи. Концепция галльского центра в панегирике Сидония видна совершенно чётко и вряд ли это была часть его риторической игры, какую пытается разглядеть у Сидония Л.П. Карсавин [5, с. 23]. В данном случае определённно прав английский историк О. М. Далтон утверждавший, что «[Сидоний] вполне мог поверить, что руководство распадающегося государства может перейти в руки его страны» [10, р. 2].

Горячая привязанность его к своей родине - Галлии обнаруживалась не только в её словесном восхвалении. На деле Сидоний также проявлял к ней свою заботу. В данном случае интересен эпизод после смещения Майораном Авита с императорского престола, когда Сидоний Аполлинарий самолично возглавил борьбу против узурпатора власти. Дело в том, что Авит, как уже указывалось выше, был родом из Оверни, и Галлия при нём, более или менее, могла быть спокойна и независима, но по его свержении, на территории провинции, в знак неповиновения новому правительству, было поднято всеобщее восстание знати. Очагом сопротивления в Лионе управлял непосредственно сам Сидоний, однако, из-за отсутствия народной поддержки попытки самообороны не могли долго продолжаться и спустя некоторое время войска союзных Майорану бургундов захватили бунтующий город. Чтобы избежать акта расправы над повстанцам Сидоний, как лидер сопротивления, решил взять инициативу в свои руки и, как он это обычно делал, призвал на помощь музу. В результате был сочинен унижительный, льстивый, но спасительный и для Сидония и для всех лионцев панегирик новому императору. Зато, какими патриотическими и искренними словами любви к своей земле и боязни за её участь было проникнуто это произведение! «Так как ты — обращается поэт к Майорану — являешься единственной надеждой в нашем несчастье, мы молим помочь нам, разорённым. Проходя победителем, взгляни на Лион твой. Удручённый чрезмерными бедствиями, он просит у тебя покоя. Ты дал ему мир, возврати же и бодрость духа...Лион лишён стад, запасов, колонов и граждан; он не ценил своего благосостояния, пока наслаждался им; теперь после разгрома, он понял свою потерю» [11, С. V]. «Панацея» Сидония вновь подействовала — он был прощён, а городу и провинции был возвращён *status quo de jure*. Оказавшись же в Риме и став третьим человеком в государстве, аристократ до мозга костей — Сидоний Аполлинарий настолько увлекается поиском славы и почестей, что ищет их и даже принуждает к нему гал-

ло-римскую аристократию не из каких-либо практических побуждений, но исключительно в целях умножения славы рода. Этот *cursus honorum* и был в мировоззрении Сидония непосредственной составляющей римского идеала благородного человека (*vir bonus*). Желание *cursus honorum* затуманило в сознании честолюбивого галльского нобиля мысли об истинном положении родной земли, что наглядно показал случай Арвандом. Однако, было бы ошибочным думать, что и с представлением Сидония о подлинной ситуации в Риме дела обстояли так же. О том, что настоящее состояние Рима Сидоний воспринимал довольно адекватно, косвенно говорят нам его панегирики (в особенности панегирик Авиту). Сидоний был прекрасно осведомлён о кризисе города и его разрухе, ввиду хотя бы того, что был префектом Рима и почти целый год ведал его делами. Поэтому мы не можем согласиться с Е.В. Литовченко, обвиняющей его в «слепоте» [8, с. 37]. Сидоний Аполлинарий являлся представителем римской системы ценностей и, по всей вероятности, именно этот аспект его мировоззрения выступил детерминирующим в его молчании по поводу плачевного состояния центра державы, ведь он почти не говорил никаких конкретных вещей, но лишь выставлял на их место абстрагированные образы. Рима для Сидония, впрочем как и для любого культурного римлянина, являлся *символом* империи, её могущества и власти над всем земным кругом. И поэтому конкретика в отрицательном упоминании Рима была непозволительна для Сидония, ибо полностью противоречила его этическим нормам. Нет сомнений, что Рим по своему состоянию мало отличался от состояния Равенны и чтобы увидеть, скрывшееся под пеленой абстракции мнение Сидония Аполлинария о состоянии Рима, стоит взглянуть на его вызывающие отзывы о Равенне. В этом отношении следует отметить, что Равенна не была для него таким символом как Вечный Рим, и он мог совершенно свободно отзываться о ней во всех своих риторических красках.

Мы уже несколько упоминали о вынесенной Сидонием неудовлетворительной оценке экологии новой столицы (письмо Геронию), теперь же обратимся к другому более откровенному посланию: «Что за город или, лучше сказать, что за болото, где ты живешь! — обращается Сидоний к своему другу из Равенны Кандидиану — У вас извращены все законы природы! Стены плавают, а вода стоит; башни ходят, а корабли сидят на мели; в банях холодно, а в комнатах сгоришь от жары; вот твоя Равенна! Живые у вас хоть умри от жажды, а мёртвые плавают в могилах. Сама жизнь, какую вы ведете, представляет прямо обратное тому, что видишь в других местах. У вас бдительность составляет качество воров, а магистрат спит, духовенство отдаёт деньги в рост, а сирийцы (менялы) распевают по улицам как клирики; купцы ведут войну, а солдаты торгуют; евнухи упражняются в фехтовании, а мирные варвары предаются наукам». [11, Ep. I. 8].

Безусловно, что данное описание утрировано с целью противопоставления провинции центру, но в тоже время характеристика, данная впечатлительным Сидонием Равенне, свиде-

тельство о том, что, с точки зрения традиционных римских ценностей, новая столица отнюдь не соответствовала идеалу [1, с. 4].

Впрочем, и Рим тогда тоже не являлся совсем образцовым городом, тем более это письмо было написано в 468 г., когда Сидоний был в должности префекта, и он мог по-настоящему сравнить сначала оба мегаполиса между собой, а потом сопоставить их с Галлией. Что он, по сути, и сделал. Теперь приведём другие фрагменты того же письма: «Ты меня поздравляешь с приездом в Рим, но твои приветствия порядочно пересыпаны насмешками. Ты радуешься тому, что я, твой друг, наконец увидел солнце, с которым мы, пьющие из вод Соны, едва знакомы. Ты мне ставишь и в упрёк туманы, среди которых живут бедные жители Лиона, и наши дни, утренняя роса которых едва рассеивается к полудню... Будьте же несколько снисходительнее к нам, бедным заальпийским жителям Галлии; мы, по крайней мере, умеем наслаждаться благодетельными лучами своего солнца, и не думаем, что нам нужно



гордиться тем, что *мы не можем выдержать сравнения с теми* (курсив мой Э. М.), климат которых ничего не стоит». [11, Ер. I. 8]. Последняя сентенция Сидония это – своего рода компенсация Галлии за недостаток климата, относительно Италии, т. е. – несмотря на это, её жители намного лучше и благочестивее жителей - горожан Аппенинского полуострова. Тем не менее, Сидоний Аполлинарий ещё некоторое время продолжал жить в Риме. Здесь следует отметить две причины такого поведения. Во-первых, Сидоний, несмотря на обветшание великого Рима, ещё верил в него, в его возможную силу и потенциал на возрождение былой державы. Во-вторых, он сильно увлёкся Римом, так как оставался верен своему аристократическому *credo*, ибо пребывание там было реальной возможностью получить заветные привилегии и славу. Рим уже дал Сидонию префектуру и патрицианский титул, пределом же мечтаний для него было консульское звание [11, Ер. V. 16]. Но как только Сидоний осознает, что развивающийся кризис Рима неизлечим и получить от него очередных высоких титулов более не получится [10, р. 4], его мимолётное увлечение проходит и он теперь, окончательно разочаровавшись «символом» империи, покидает его и возвращается на родину в Галлию, чтобы стать там епископом Оверни (472 г.) и возобновить, когда-то обещанную, заботу о родине.

Из слов Сидония видно, что он определённо рад вновь вернуться домой в Галлию. «Овернь удобна для путешественника, — пишет Сидоний своему другу Апру — плодородна для земледельца, приятна для охотника. Хребты гор, опоясанные пастбищами, склоны покрытые виноградниками, виллы, расположенные на равнинах, замки на утёсах, густые леса, обработанные поля, ручьи в долинах, реки, текущие в глубоких обрывах, — всё это предаёт ей такую прелесть, что многие чужеземцы, увидев её, забывали свою родину». [11, Ер. IV. 21]. Ка-

жется, что любовь, недавно возвратившегося издалека Сидония к родным краям, стала ещё больше и крепче.

В сане епископа овернцев Сидоний Аполлинарий пробудет до конца своих дней. Пожалуй, это самый интереснейший период его жизни, ибо он отмечен пиком его провинциального патриотизма. Не забывая про достижение почестей, епископ Сидоний активно занимается как пастырской, так и политической деятельностью.

На долю Сидония Аполлинария выпала участь возглавить героическую оборону Оверни от вестготов короля Эвриха. Несколько лет упорной и самоотверженной борьбы не сломали духа епископа Оверни. Он выкупает пленных на свои деньги, продаёт ценную утварь, чтобы на вырученные деньги помочь голодающим осаждённым [2, с. 45], пишет письма помощи соседним провинциям и епархиям [11, Ер: III. 2, 7. VI. 12. VII. 6]. Но, в конце концов, Овернь сразило не оружие готов, а постыдная уступка римского правительства.

Какими словами патриотизма и благородного негодования было исполнено письмо Сидония, участвовавшему в переговорах о сдаче провинции, епископу Греку! «Такова теперь судьба нашего несчастного уголка, которого участь, по словам молвы, завиднее во время войны, нежели во время мира. Ценою нашего рабства куплена безопасность других провинций. О горе! Рабство овернцев, которые, если заглянуть в прошлое, смели некогда называть себя братьями латинов и гордились происхождением от троянской крови... Этого ли заслужи мы, переноса голод, пожары, битву и язву...? Недолго и нашим предкам гордиться этим именем; у них начинает уже прекращаться потомство. Во что бы то ни стало, уничтожьте этот постыдный договор. Если необходимо, мы с радостью ещё раз выдержим осаду, ещё раз сразимся и вытерпим голод... умоляем вас, сделаете так, чтобы не погибли окончательно те, у которых должна умереть свобода» [11, Ер. VII. 7].

После сдачи Оверни Сидоний Аполлинарий был заключен в крепость на границе с Испанией. Вернувшись, он продолжил епископскую деятельность в Оверни и скончался около 490 г. от Р. Х. Сидоний Аполлинарий одновременно являлся и представителем *галло-римской провинциальной аристократии*, и типичным *носителем римской системы ценностей*. Эти два фактора выступают корневыми его мировосприятия касательно представлений о Галлии и Риме/Равенне, провинциальном и столичном. Поэтому, несмотря даже на осознание им тотального краха Рима, он продолжал уважать этот город, ибо видел в нём символ имперского могущества, римской культуры и великой истории. Если заметить, то не только Сидоний Аполлинарий, но даже ни один из других современников не сообщает о смещении последнего западного императора Ромула Августула в 476 году, как о крушении римской державы. В представлении людей того времени пока существовал Рим — существовала империя, и этот случай не внёс никакого резонанса в позднеантичное общество.

Вечный город для аристократа Сидония был также и прекрасной возможностью пойти по долгожданной дороге к славе (*cursus honorum*), которая, по его мнению, была непреложной константой для любого аристократа. В общем, ему было за что любить Рим. Чего нельзя сказать о других крупных городах Италии (Равенна), которые не имели в его системе ценностей символической нагрузки и о плачевном состоянии которых он отзывался, мягко говоря, не совсем лестно.

Ещё больше Сидоний любил свою родину — Галлию (Лион/Овернь), гармоничность климата которой он постоянно противопоставлял аппенинской жаре, упорядоченность и тишину поместий — беспорядку и шуму итальянских мегаполисов, нравственность населения — распущенности итальянских горожан. На протяжении всего жизненного пути, Сидонию был присущ провинциальный патриотизм [1, с. 17], только он не всегда проявлялся (случай с делом Арванда). Патриотическая концепция Сидония была ориентирована на Галлию, и главным образом на те районы, где у него были собственные поместья. По сути дела, в основе этих политических убеждений лежала экономическая заинтересованность. Патриотические чувства Сидония были тесно связаны с родственными и дружескими отношениями и с трансформацией римской системы ценностей применительно к Галлии [1, с. 17].

Так, поначалу признавая безнадежный упадок Рима, Сидоний в своих панегириках выдвигает на место центра Римского мира Галлию, т.е. по его мнению, теперь более здоровой периферии пришло время взять империю под контроль и заменить дряхлый центр, иными словами, самой стать центром. Потом, разочаровавшись этой идеей и мимолётно поверив в Рим, Сидоний Аполлинарий бросается туда с огнём в глазах. Однако, поняв, что былой Рим уже не вернуть, он возвращается в Галлию отстаивать её независимость. Здесь мы прекрасно видим, что Сидоний был не статичной личностью, какую хотел в нём разглядеть К.И. Стивенс [12, р. 9], а достаточно динамичной и эволюционирующей — ему были свойственны сомнения, мимолётные увлечения, страсти и разочарования.

Вне сомнений, что «*центром*» всего известного пространства в мировосприятии Сидония Аполлинария выступал *Рим*, когда *Галлия* наряду с остальными провинциями и землями являлась «*периферией*». Однако, его порой изменчивое отношение к ним было детерминировано его социальным статусом, этнотерриториальной принадлежностью, своеобразным мировосприятием и ценностными ориентациями, или, говоря иначе, — *менталитетом*.

Из выше сказанного можно сделать вывод, что процесс упадка городов и городской инфраструктуры поздней античности в его субъективном восприятии современников выглядел весьма неоднозначно и прежде всего, это было связано с ментальной спецификой субъекта-очевидца.

В заключение стоит добавить, что на основе исследований в данном направлении есть возможность реконструировать ментальную модель человека поздней античности, что будет

способствовать не только лучшему изучению духовной истории человечества, но и изучению исторических событий, явлений и процессов.

### Список литературы и источников

1. Буяров Д. В. К вопросу о некоторых ценностях в системе мировоззрения Сидония Аполлинария // Научный журнал КубГАУ, №46(2), 2009 . с. 1–18.
2. Григорий Турский. История франков / пер. с лат. В. Д. Савуковой. — М.: Наука. 1987. — 474 с.
3. Ешевский С.В. Аполлинарий Сидоний: Эпизод из литературной и политической истории Галлии V в. Собр. соч. в 3-х т. — М. 1870. Т. 3. — 342 с.
4. История Средних веков: от падения Западной Римской империи до Карла Великого (476–768 гг.) / сост. М.М. Стасюлевич. 3-е изд., испр. и доп. — М.: АСТ; СПб.: Полигон, 2001. — 592 с.
5. Карсавин Л.П. Из истории духовной культуры падающей римской империи. (Политические взгляды Сидония Аполлинария). — СПб., 1908. — 54 с.
6. Куланж Ф. де. Гражданская община древнего мира. Пер. с фр. под ред. проф. Д. Н. Кудрявского. — СПб., 1906. — 459 с.
7. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада/ Пер. с фр. Под общ. ред. В. А. Бабинцева. — Екатеринбург, 2005. — 560 с.
8. Литовченко Е.В. К образу Аполлинария Сидония: человек поздней Античности // Научные ведомости БелГУ №3 (34) Вып. 2. 2007. — С. 30–38.
9. Певницкий В. Арелатские проповедник V-VI вв. // Арелатские проповедники V-VI вв. сборник исследований и переводов. — М., 2004. — 392с.
10. Dalton O.M. The Letters of Sidonius. — Oxf.: Clar. press, 1915. — 278 p.
11. Sidonius Apollinaris. Epistolae et Carmina. Patrologiae cursus completus. Series Latina. / Ed. J.-P. Migne. Parisius., 1847. Т. 58. Col. 435–748. (ссылки даны с указанием номера книги, письма [Ер.] и стихотворного произведения [С.]).
12. Stevens C.E. Sidonius Apollinaris and his age. — Oxf.: Clar. press, 1933. — 224 p.